

УДК 340.15

*Д. Р. Зайнутдинов***ЗАПАДНОЕ ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПЕРИОД
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917–1920 ГОДЫ)**

Ни одна империя не в состоянии построить единое правовое пространство, кажущееся единством всегда относительно. *Империя, установившая свою власть над десятками совершенно разных в правовом развитии народов, неспособна к установлению универсальной правовой системы. Не являлась исключением и Российская империя.* На огромных территориях имперского государства существовали не только различные правовые модели, но и правовые системы: в Финляндии преобладали нормы скандинавского права, Польша склонялась к романской правовой группе романо-германской правовой семьи, а Прибалтика, наоборот, к германской группе; на Кавказе право адата соперничало с шариатом, в то время как в Средней Азии непоколебимым веками оставалось исламское право. Нельзя согласиться с В.Д. Зорькиным, который указывая на то, что Российская империя провела «большую и кропотливую работу по постепенному созданию в стране такого единого правового пространства, которое бережно инкорпорировало бы в себя правовые традиции российских окраин» [1, с. 144]. Правового единства между национальными окраинами Российской империи достигнуто не было.

Наступившая Февральская революция 1917 года запустила мощную демократическую динамику по федерализации правового поля. Так, «в марте была объявлена полная амнистия, отменялась смертная казнь, национальные и вероисповедальные ограничения. Отменялись все нарушения финляндской конституции, предполагалось созвать Сейм, на котором будут обсуждены основные законоположения и конституция Финляндии. Провозглашалась полная независимость Польши, которая оставалась связанной с Россией лишь “свободным военным союзом”. Санкционировать эти решения должно было Учредительное собрание. Предполагалось значительное расширение административной автономии Литвы и Украины» [2, с. 531]. Однако народы национальных окраин опасались, и отчасти не безосновательно, что на смену либеральной демократии вновь придут идеи империализма и великодержавного шовинизма. Предпосылки это-

го создавало само Временное правительство, консервативно-либеральные группы и генералитет, отстаивая необходимость продолжения Первой мировой войны, обсуждая предстоящее «расчленение» Османской империи и дальнейшую оккупацию Россией Балкан, затягивая процесс признания за народами права на национальное самоопределение. Поэтому окраинные территории, так и оставшись до конца не интегрированными в имперское правовое пространство, уже в конце 1917 года приступили к активному формированию собственных органов государственной власти, созданию механизма правового регулирования, выработке новых норм права и правовых конструкций, а также приспособлению уже существующих институтов к действующей реальности. В совокупности подобные мероприятия выковывали новые образы правовых моделей.

В связи с этим трудно переоценить ту роль, которую предстояло сыграть Всероссийскому Учредительному собранию, к 1918 году ставшим единственно легитимным органом власти в России, наделенным абсолютными правами на правотворчество. Только такой орган был способен остановить Россию на пороге хаоса братоубийственной Гражданской войны, определить единый на всей территории страны демократический правопорядок, обеспечить подлинное национальное и религиозное равноправие, и самое главное, начать формировать единое правовое пространство. Республ. 6 января 1918 года Всероссийского Учредительного собрания поставил перед национальными правительствами окраин три возможных варианта формирования правового пространства:

– последовать по пути советизации государственной власти и развития социалистической правовой модели, до момента их поглощения большевистской России;

– принять курс общероссийского антибольшевизма и принцип непредреждения в вопросе формы российского государства и его правовой системы, до момента ликвидации советской власти;

– начать строительство независимой государственности и формирование собственной правовой модели, варьируя между антибольшевистским и большевистским курсом.

Если первые два варианта выдвигали требование признания целостности и единства российской государственности, то третий вариант исходил исключительно из приоритета национального государства и его интересов. Также первые два варианта требовали конкретной идеологической ориентации – либо большевистской, либо антибольшевистской; тогда как третий – мог строиться на любом политико-правовом курсе, хотя более был склонен к «враждебному нейтралитету» по отношению к советской власти. Исходя из возможных вариантов построения правового пространства, возникнувшие национальные государственные образования приступили к созданию независимых структур органов государственной власти и обособлению собственных правовых моделей. Особый интерес в данном процессе представляло собой западное правовое пространство, участниками формирования которого являлись Польша и Украина.

На территории Польши и Украины в период Гражданской войны в 1918–1920 годы были сформированы не только одни из самых мощных антибольшевистских армий, но и был заложен весьма перспективный фундамент для строительства национальной государственности и правовой системы.

29 марта 1917 года Временное правительство признавало суверенитет Польши при соблюдении двух условий: «Во-первых, восточная граница будущей Польши определялась бы по этнографическому, а не историческому принципу, во-вторых, ей надлежало заключить «свободный военный союз» с бывшей метрополией, чтобы исключить возможность перехода на враждебные России позиции» [3, с. 85]. Борьба различных политических групп и неспособность их к консолидации в течении 1918 года, так и не привела к образованию в Польше единой государственной власти. Этот усугубляющийся политический кризис в начале ноября 1918 года разрешил Юзеф Пилсудский, который взял всю полноту власти и приступил к государственно-правовому строительству независимой Польши. В результате военных кампаний 1918–1919 годов границы Польши были определены. В конечном итоге «принятый Учредительным сеймом 1 августа 1919 г. закон объявлял о подчинении бывших прусских земель, которые по Версальскому мирному договору вошли в состав Польской Республики, Сейму, Начальнику государства и министрам» [4]. Пользуясь огромным авторитетом, Ю. Пилсудский фактически спас молодую польскую государственность от ее расчленения и решительно прервал советскую интервенцию в стране. Именно при Ю. Пилсудском Польша вновь вернулась на путь независимого развития правовой системы, который она потеряла в 1815 году.

Следует указать, что Польша до момента потери национальной государственности в результате присоединения к Российской империи стала активно трансформировать собственное право, ориентируясь на французскую правовую модель. Так, «в Княжестве Варшавском в период краткого господства Франции Сейм добровольно принял в 1808 г. Кодекс Наполеона <...> рецепция французских кодексов определила во многом путь дальнейшего развития польского частного права, что ощущалось вплоть до начала XX в.» [5, с. 272]. Например, интегрированные нормы французского торгового права практически без изменений действовали вплоть до принятия Польского торгового кодекса 1934 года. Таким образом, возрождением польской государственности в 1918 году для развития национальной правовой системы согласно исторической закономерности должно было бы стать возвращение в рамки романской правовой группы романо-германской правовой семьи. Однако этого не произошло в силу уникального характера развития польского права, которое, несмотря на укрепившиеся элементы французской правовой модели, все же имело комбинированный характер. Другими словами, «в польской правовой системе четко прослеживается непосредственное воздействие римского, немецкого, французского, австрийского права» [5, с. 267]. Поэтому справедливо «историки

права в качестве одной из характерных черт развития польской государственности и правовой системы называют присущий ей определенный асинхронизм. Новые государственно-правовые формы вызревали в рамках старого общества, новые общественные отношения сохраняли по разным причинам архаичные правовые институты. Так, в пределах Варшавского Княжества одновременно действовали положения феодального уголовного права и заимствованного из Франции буржуазного Гражданского кодекса Наполеона, а позже и французского Торгового кодекса» [5, с. 272–273]. Комбинированный характер системы права Польши можно отчетливо проследить в двух основополагающих отраслях – гражданском и уголовном. В частности, «основными источниками уголовного права до 1932 г. были: на землях, ранее принадлежавших России, – русский уголовный кодекс 1903 г., на бывших австрийских землях – австрийский уголовный закон 1852 г., а на территории бывшей Пруссии – немецкий уголовный кодекс 1871 г. с изменениями, внесенными польскими властями» [6]. Аналогично дело обстояло и с действием гражданского законодательства.

В связи с тем, что система права Польши испытала сильнейшее влияние различных правовых моделей буржуазных стран Европы, это позволило ей выработать достаточно стойкий иммунитет к правовым утопиям коммунистической идеологии. Следует подчеркнуть, что в отличие от других национальных государственных образований, возникнувших после развала Российской империи (Литва, Латвия, Эстония, Финляндия, Украина и другие), на территории Польши (до 1939 года) так и не была установлена советская власть. Во многом это обеспечивалось за счет авторитарной власти Ю. Пилсудского, который «присвоил себе большие, почти диктаторские полномочия, но на непродолжительный период – только до момента созыва сейма, выборы в который под его сильным давлением правительство назначило на 26 января 1919 г.» [3, с. 111]. Таким образом, в решающий 1919 год попытки большевиков военным путем советизировать курс государственно-правового развития Польши были подавлены. Более того, в результате длительной исторической интеграции в свою структуру правовых элементов и институтов европейских систем (идеи правового государства, верховенства закона, разделения властей, парламентаризма), с 1918 года польская правовая модель сразу стала формироваться в рамках антибольшевизма. В труде «История государства и права Польши» 1980 года отмечено: «Буржуазное государство законодательным путем закрепляло общественно-экономические отношения, основанные на частной собственности на средства производства, и посредством государственных органов охраняло классовые интересы буржуазии и помещиков» [4]. В более развернутом виде эти преобразования выражались следующим образом: «Был издан ряд декретов в социальной области, введших в Польше стандарты, принятые на тот момент в развитых западноевропейских государствах: 8-часовой рабочий день с укороченной (английской) субботой, социальное страхование по болезни и несчастным случаям на производстве, гарантированный минимум оплаты труда в государствен-

ном секторе, инспекции и биржи труда, защиту прав квартиросъемщиков и другое» [3, с. 111]. В итоге правовая система Польши приобрела выраженный антисоциалистический характер. Хотя некоторые авторы считают, что таким образом польское правительство «продемонстрировало, что будет проводить политику в духе западноевропейских социал-демократов, а не большевиков» [3, с. 112], однако отношение национальной интеллигенции даже к правосоциалистическим идеям было негативным. Польская общественность веками выковывала прочное национальное самосознание, основой которого выступали идеи европейской либеральной демократии.

Антибольшевистский характер польской государственности имел и внешнее выражение. Польша активно боролась с советизацией в соседних странах. Например, весной 1919 года польская армия оказала помощь национальному правительству Литвы, тем самым разрушив планы советской России о создании федерации Литвы и Белоруссии. Летом 1920 года советская власть была вынуждена подписать мирный договор с Литовской республикой. [2, с. 624] Нельзя не отметить, что в период 1920-х годов во внешней политике Польше присутствовали «имперские нотки», звучавшие на всей территории Восточной Европы. В частности, «фактический руководитель Польши (Naczelnik Państwa) в 1918–1922 гг. маршал Ю. Пилсудский выступал за создание «самостоятельных государств» под главенством Польши. В августе 1919 г. на переговорах с председателем правительства БНР А. Луцкевичем (тот добивался включения «белорусского вопроса» в программу Парижской мирной конференции) польский лидер пообещал освободить Белоруссию из-под власти России. Раздел своей страны по решению Брестского и Рижского мирных договоров Луцкевич воспринял как угрозу исчезновения белорусского этноса и его культуры» [7, с. 309]. Рождались и более масштабные планы, такие как создание Соединенных Штатов Польши, которые «должны были включать несколько автономных королевств (Польское, Литовское, Полесское, Галицко-Подольское, Волыньское) во главе с президентом, который одновременно носил бы титул короля Польского, Литовского, Полесского и Галицкого» [7, с. 312]. Все идеи о территориальном расширении Польши находили поддержку ее непосредственного лидера Ю. Пилсудского. Так, «в начале 1920-х гг. планы Пилсудского получили продолжение в «Ягеллонской идее» – проекте федерального государства, направленном на Восток – в сторону Литвы, Белоруссии и Украины» [7, с. 313]. В тоже время следует отметить, что эти «имперские» идеи были не совсем «имперские». Планы территориального расширения не были самоцелью польских политиков, так как, прежде всего, эти планы были направлены на создание мощного государства, способного противостоять советским имперским амбициям, не допускать советизации Восточной Европы и распространения в ней коммунизма. Таким образом, учитывая вышеизложенное, отметим, что помимо формирования антибольшевистского правового пространства, Польша также выстраивала однозначную антибольшевистскую правовую политику в сфере международного права.

К западному правовому пространству также следует отнести и государственность Украины. Как и другие национальные окраины, Украина после Февральской революции 1917 года приступила к строительству автономии, а после Октябрьской революции к созданию суверенной государственности. «Сразу после Октябрьской революции в России Рада заявила об образовании Украинской народной республики <...> В декабре 1917 г. в Киеве проходил Всеукраинский съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Украинским большевикам не удалось победить на нем, они переехали в Харьков, где провели новый съезд, провозгласив создание ЦИК Украины, который «принял на себя всю полноту власти на Украине» [2, с. 623]. Однако в отношении правового развития Украина продолжила курс демократизации правовой системы Российской империи, начатый еще Временным правительством. Это в полной мере обусловлено тем, что «после 60-х гг. XVIII в. с ликвидацией малороссийской автономии стало расширяться применение общероссийского права, которое заметно потеснило другие источники» [6]. И уже с XIX века правовое развитие Украины протекало в общероссийском русле. Территория Украины лучше иных национальных окраин была инкорпорирована в имперское правовое поле. Тем не менее, с началом оформления национальной государственности в 1918 году встал конкретный вопрос в отношении необходимости выбора пути правового развития. Стремясь оторваться от «опеки» России, Украина сделала выбор в пользу европейской интеграции, который выражался, прежде всего, в институте народного представительства, стремящегося ограничить исполнительную власть путем установления в ее деятельности четких границ. Примечательно, что данная динамика и в настоящее время характерна для украинской государственности, стремящейся к ограничению президентской власти. Украинское общество в силу своего менталитета отрицает авторитаризм и борется с ним.

Особенностью государственного развития Украины в рассматриваемый период являлась частая смена форм государства и политических режимов. В частности, 8 февраля 1918 года советские войска взяли Киев, свергли Центральную раду и установили советское правительство Украины. 29 апреля 1918 года на смену социалистической Центральной Раде к власти пришел генерал-лейтенант П. Скоропадский. Новая государственность получила название «Украинская Держава», тем самым оформился гетманский режим. «Украинская Держава просуществовала около 7 месяцев. 14 ноября 1918 г. появилась Директория – орган, созданный с целью свержения гетманского режима. Именно она 16 ноября начала антигетманское восстание. 14 декабря 1918 г. войска Директории заняли Киев. В этот же день П. Скоропадский отрекся от власти и покинул город. Гетманское правительство передало власть Директории, которая заявила о восстановлении УНР» [8, с. 159]. В отношении правового развития, как пишет В.Н. Власенко, «гетманская администрация признала законодательство Российской империи и Украинской Народной Республики» [8, с. 164]. В целом Украинская Держава продолжила путь демократической транс-

формации имперской нормативно-правовой базы. Известный украинский правовед П.П. Музыченко отмечает, что к «положительному наследию гетманской администрации следует отнести то, что с первых дней своего существования она установила правовые основы законотворческого процесса» [9]. Таким образом, стоит отдать должное украинским юристам и политикам, которые на протяжении всего периода 1917–1919 годов делали смелые шаги в направлении конституционного оформления институтов государственной власти, тем самым стремясь изначально создать прочный фундамент для правовой системы. Огромную роль в этом отношении сыграла принятая 29 апреля 1918 года Конституция Украинской Народной Республики [8, с. 157]. «Важнейшими законодательными актами Украинской Державы были законы о гражданстве, государственном устройстве, Государственном сенате, Государственной варте (служба правопорядка в период гетманщины. – Д.З.), всеобщей воинской обязанности, порядке выборов в земские и городские учреждения. Наибольших успехов гетманская администрация достигла в области законодательного обеспечения культуры и образования» [8, с. 165].

Подчеркнем, что становление национальной украинской государственности было частично схоже с восстановлением международной правосубъектности Польши. Оба указанных государства имели множество политически разрозненных групп национальной интеллигенции, боровшихся за власть. Следующим образом этот момент характеризует П.П. Музыченко: «Просчеты и амбиции украинских национальных политических сил, а также помощь российских большевиков украинским товарищам по партии привели к установлению советской власти на большей части Украины» [9]. Безусловно, в отличие от польской государственности, Украина в значительно большей степени была подвергнута советизации, с одной стороны, и влиянию «белого» режима на Юге России, с другой. В связи с этим украинским политикам приходилось находиться между проявляющимися великодержавными амбициями «белой» власти и интернациональными тенденциями со стороны советской России. Также в отличие от Польши, правовой модели которой был присущ антисоциалистический характер, правовая система Украины не отрицала возможность интеграции правовых доктрин социал-демократической идеологии.

Нельзя пройти мимо выстраивания правоотношений между Украиной и «белым» режимом на Юге России. В частности, негативное отношение «белого» режима А.И. Деникина к Украине отмечал и глава Всевеликого войска Донского атаман П.Н. Краснов [10, с. 30–31]. Государственно-правовая идеология в период правления А.И. Деникина, хотя и имела либерально-демократический базис в своей основе, тем не менее, поддерживала курс на строительство унитарного государства. Так, например, Декларация-обращение «К населению Малороссии» [11] подчеркивала важные моменты унитарного принципа организации: «...Единство, без которого немислима полная и правильная хозяйственная жизнь, когда север и юг, восток и запад обширной державы в свободном обмене несут друг другу

все, чем богат каждый край, каждая область <...> От изменнического движения, направленного к разделу России, необходимо совершенно отличать деятельность, внушенную любовью к родному краю, к его особенностям, к его местной старине и его местному народному языку. Ввиду сего в основу устройства областей Юга России и будет положено начало самоуправления и децентрализации при неременном уважении к жизненным особенностям местного быта». Примечательно, что в указанной Декларации не употребляется наименование «Украина», что можно отметить как отступление от такого важного для «белой» России «конституционного» документа, как «Проект конституции генерала Л.Г. Корнилова» (конец января 1918 года) [12, с. 180–182]. В то время как пункт 14 «Конституции Корнилова» однозначно устанавливал: «Польша, Украина и Финляндия, образовавшиеся в отдельные национально-государственные единицы, должны быть широко поддержаны Правительством России в их стремлениях к государственному возрождению, дабы этим еще более спаять вечный и нерушимый союз братских народов». Однако в Декларации-обращении «К населению Малороссии» проявляется позиция неприемлемости федеративного устройства деникинским правительством, но при этом говорится о необходимости децентрализации власти. «В основу временного устройства территории Вооруженных сил Юга положено было сохранение единства Российской державы при условии предоставления автономии отдельным народностям и самобытным образованиям (казачеств), а также широкой децентрализации всего государственного управления» [13, с. 138], – писал сам А.И. Деникин. Тем не менее, стоит особо подчеркнуть большую степень децентрализации власти на «белом» Юге по сравнению с Востоком России. Поэтому не совсем верно заключение П.Н. Краснова, что «генерал Деникин не имел ничего на своем знамени, кроме единой и неделимой России» [10, с. 173]. Тем не менее, национальные окраины выдвигали вполне законные требования о признании независимости, на что ни один «белый» режим не шел.

Выделим и тот факт, что Украина, формируя собственное правовое поле, стремилась включить в него и близкие по национально-культурному характеру территории казачьих областей – Донское и Кубанское казачьи войска. Это объединение планировалось в рамках федеративного государства. В данном отношении П.Н. Краснов писал: «Рада разбилась на два главных течения: украинское и самостийное. Украинцы уговаривали кубанцев совершенно слиться с ними и стать частью Украины. Об этом вели переговоры председатель Рады Быч и Рябовол. Самостийники стояли за устройство федерации, в которой Кубань была бы совершенно самостоятельной, и для проведения этого они искали тесного союза с донскими казаками. И те, и другие соединялись в одном – в стремлении освободиться от опеки генерала Деникина. Умеренная часть Рады – фронтовые казаки и войсковой атаман Филимонов – держались за добровольцев» [10, с. 131]. Это показывает одну из специфических черт формируемой на тот период правовой модели Украины – федерализм. Построение федеративных пра-

воотношений с Кубанью и Доном значительно ускоряло демократизацию имперской нормативно-правовой базы и в целом трансформацию всей правовой системы, а также, что более важно, открывало путь к европейской интеграции. В этом отношении Украина, как и государственность Сибири в 1918 году, могла стать образцом для построения правоотношений внутри России, то есть между центром и регионами (национальными территориями).

Изложенное позволяет говорить, что окончательного оформления правовой системы Украины в период 1917–1919 годов так и не произошло. По этому поводу справедливо отмечает О.Ф. Скакун: «Стабильности в ее развитии не было, поскольку отсутствовала независимая государственность в Украине» [14, с. 567–568]. Хотя украинская национальная государственность и просуществовала достаточно недолговременный период, но все же она смогла заложить конституционно-правовой фундамент, который был востребован в конце XX века для развития самостоятельной правовой модели.

В территориальном плане западное правовое пространство, в отличие от иных правовых пространств, формировавшихся в период Гражданской войны, было более масштабно, что не могло не вызывать опасения по его полному обособлению от России, как со стороны антибольшевистских режимов, так и советской власти. Именно поэтому, как советская, так и антибольшевистская политика стремились включить в орбиту своих интересов территории Польши и Украины, при этом мало считаясь с национальными чаяниями самих народов. Немаловажно и то, что западному правовому пространству, состоявшему только из Польши и Украины, было намного проще создать монолитный международно-правовой союз. В случае реализации идей территориального расширения Польши и укрепления антибольшевистского базиса в западном правовом пространстве, могла бы произойти полная изоляция большевистской России от Западной Европы, усугубив тем самым внутривнутриполитическое положение советской власти.

Провозглашенный большевиками «федерализм» и громкие заявления о самоопределении в процессе разрастания Гражданской войны были легко забыты, а нормативно-правовые акты, такие как «Декрет о мире» [15], «Декларация прав народов России» [16], «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» [17], были сведены к квази-правовым инструментам, не имеющим обязательной юридической силы. Военные действия советской власти против национальных окраин на протяжении 1917–1921 годов, свидетельствуют, что советская власть не стремилась к практической реализации провозглашенного права наций на самоопределение. Активно вмешиваясь во внешнюю и внутреннюю политику национальных правительств, большевики желали включить национальные государственные образования в лоно будущей «Советской империи».

Литература

1. Зорькин В.Д. Правовой путь России. Москва : ЗАО «Библиотечка РГ», 2014. Вып. 8. 192 с.
2. Исаев И.А. История государства и права России: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрист, 2004. 797 с.
3. Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова. Москва : Издательство «Индрик», 2012. 952 с.
4. Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М. История государства и права Польши. Москва : Юридическая литература, 1980. 559 с.
5. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 1. Правовые системы Восточной Европы / под ред. В.И. Лафитского. Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Юридическая фирма «Контракт», 2012. 528 с.
6. Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник / Под ред. А.Я. Сухарева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма, 2003. 976 с.
7. Красовицкая Т.Ю. Этнические элиты между красными и белыми: этнокультурные идеалы vs интернационализма и «непредрешенчества» // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / отв. ред. Д.Б. Павлов; Рос. ист. о-во; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 292–360.
8. История государства и права Украины: конспект лекций / сост. В. Н. Власенко. Сумы : Сумский государственный университет, 2016. 250 с.
9. Музыченко П.П. История государства и права Украины. Киев : Изд-во «Знання», 2006. 570 с.
10. Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское. Москва : Алгоритм, 2007. 256 с.
11. Населению Малороссии. Газета «Киевлянин». Киев, 21 августа 1919 года. № 1.
12. Лембич М. Политическая программа генерала Л.Г. Корнилова январских дней 1918 г. *Белый архив*. Т. 2-3. Париж, 1928. С. 180-182.
13. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 5. Берлин : Медный всадник, 1926. 371 с.
14. Скакун О.Ф. Теория государства и права: учебник. Харьков : Консум; Ун-т внутр. дел, 2000. 704 с.
15. Декрет о мире от 26 октября (8 ноября) 1917 года. *Декреты Советской власти*. Том 1. (25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г.). №11.
16. Декларация прав народов России от 2 (15) ноября 1917 года. *Декреты Советской власти*. Том 1. (25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г.). № 9.
17. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа от 12 января 1918 года. *Декреты Советской власти*. Том 1. (25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г.). № 214.

Аннотация

Зайнутдинов Д. Р. Западное правовое пространство в период Гражданской войны (1917–1920 годы). – Статья.

Статья посвящена рассмотрению процесса формирования западного правового пространства в Революционный период 1917 года и Гражданской войны 1917–1920 годов. Также автором анализируется становление государственности и правовой системы Украины и Польши. В процессе исследования автором применен историко-правовой метод, который позволил дать оценку событиям и провести анализ нормативно-правовой базы польской и украинской государственности. В заключении сделаны выводы о возможностях развития западного правового пространства.

Ключевые слова: Украина, Польша, правовое пространство, правовая система, национальное государство, «белый» режим.

А н о т а ц і я

Зайнутдинов Д. Р. Західний правовий простір в період Громадянської війни (1917–1920 роки). – Стаття.

Стаття присвячена розгляду процесу формування західного правового простору в Революційний період 1917 року і Громадянської війни 1917–1920 років. Також автором аналізується становлення державності і правової системи України і Польщі. У процесі дослідження автором застосовано історико-правовий метод, який дозволив дати оцінку подіям і провести аналіз нормативно-правової бази польської та української державності. У висновку зроблені висновки щодо можливостей розвитку західного правового простору.

Ключові слова: Україна, Польща, правовий простір, правова система, національна держава, «білий» режим.

S u m m a r y

Zainutdynov D. R. Western legal space during the Civil War (1917–1920). – Article.

The article is devoted to the process of formation of the Western legal space in the Revolutionary period of 1917 and the Civil War of 1917-1920. The author also analyzes the formation of statehood and the legal system of Ukraine and Poland. In the process of research, the author applied the historical-legal method, which allowed assessing the events and analyzing the regulatory framework of the Polish and Ukrainian statehood. In conclusion, conclusions are made regarding the development possibilities of the Western legal space.

Key words: Ukraine, Poland, legal space, legal system, nation state, «white» mode.